

РОССИЙСКИЕ ЭМИССАРЫ В ЧЕРНОГОРИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

© 2020 Ю.П. Аншаков

*Д-р ист. наук, начальник отдела истории и археологии Самарского
федерального исследовательского центра РАН**yuri.anshakov@mail.ru*

В статье рассматриваются отдельные сюжеты, связанные с пребыванием и деятельностью в Черногории во второй половине XVIII в. российских военных и дипломатов: С. Ю. Пучкова, М. Тарасова, Г. Мерка, Ю. В. Долгорукова, И. (Дж.) Оливьери, М. К. Ивелича.

The author analyses activities of the Russian officers and diplomats (S. Puchkov, M. Tarasov, G. Merk, Yu. Dolgorukov, I.(G.) Olivieri, M. Ivelich) in Montenegro in the second half of the 18 century.

Ключевые слова: Россия, Черногория, Екатерина II, Степан Малый, Махмуд-паша Бушати.

Keywords: Russia, Montenegro, Catherine II, Šćepan Mali, Kara Mahmud Pasha.

DOI: 10.31857/S0869544X0011087-8

В XVIII в. Черногория была фактически независимой, с собственной системой управления, горной страной. Единственный признак ее вассальной зависимости от Турции в XVIII в. — это крайне редкая уплата харача (хараджа), собираемого чаще всего при помощи карательных экспедиций, зачастую неудачных, и его скорее следует рассматривать как вынужденный откуп, нежели чем дань. Однако Черногория не получила международного признания и не имела точно зафиксированных границ, а Османская империя продолжала считать ее частью своих владений.

Началом русско-черногорских отношений стал Прутский поход Петра I в 1711 г., тогда царь обратился с грамотой к балканским христианам с призывом оказать помощь русским войскам. И черногорцы откликнулись на этот призыв, начав под командованием митрополита Данилы и российского эmissара М. Милорадовича боевые действия против турок в Герцеговине, которые продолжались и после заключения Россией мира с Турцией в апреле 1712 г. Прутские события нашли отражение в черногорском эпосе, где отмечалось, что Петр I заключил мир «с турками не по воле, но по неволе», и, узнав об этом, «заплакал и мал, и велик, всяк жалел царя православного» [1. С. 517]. В 1713 г.

в письме к брату Раде митрополит Данило подчеркнул: «Я — Москвы, Москвы, Москвы. Говорю, говорю, говорю: чей я — того и вся земля» [2. С. 29]. С того времени Россия для черногорцев стала символом веры и надежды в освободительной борьбе, деле государственных преобразований, а в сознании черногорцев и их церковных иерархов утвердился культ Петра Великого навсегда.

Вторая половина XVIII в. — время дальнейшего становления и развития русско-черногорских отношений. В этом процессе важную роль сыграли российские эмиссары — военные и дипломаты, посещавшие Черногорию в различные годы. Весомая заслуга в активизации русско-черногорских отношений в 50–60-е годы XVIII в. принадлежит черногорскому митрополиту Василию Петровичу, трижды посещавшему Россию. Деятельный человек и политик, склонный к авантюризму, он все же сумел убедить российское руководство в том, что Черногория достаточно обширна и могущественна, а потому способна объединить балканские народы и стать центром освободительной борьбы против турецкого владычества на Балканах. При этом митрополит прекрасно понимал, что в действительности маленькая, отрезанная еще в начале XVIII в. от Адриатического моря Черногория, переживающая внутреннюю анархию, не может заинтересовать русский двор.

По просьбе Василия Петровича Петербург в 1758 г. выделил Черногории на один год субсидию в размере 15 тыс. рублей, однако ее пролонгация зависела от способности черногорцев навести у себя порядок. В 1759 г. в Черногорию для сопровождения митрополита был направлен эмиссар русского правительства полковник С. Ю. Пучков под именем ранее служившего в России хорватского дворянина. Он должен был обеспечить сохранность денег, но главная его задача состояла в сборе информации об истинном положении дел в Черногории, сведений о стране и ее народе. Именно с правления Елизаветы Петровны балканское направление во внешней политике России в той или иной форме стало одним из ее постоянных факторов. И здесь Черногория в силу ее фактической независимости, выгодного географического положения вблизи от тыловых османских владений в Герцеговине и Северной Албании стала вплоть до Первого сербского восстания в 1804–1813 гг. главной точкой опоры России на Балканах.

По возвращении из Черногории С. Ю. Пучков представил в Коллегию иностранных дел рапорт, позднее дополненный сведениями о черногорцах [3. Л. 180об.—185об.; 4. С. 556–558], в котором сообщил, что «черногорцы находятся в крайнем беспорядке, не имеют добрых учреждений, законов и обычаев, живут в междоусобице и вражде», не подчиняются властям, которые в свою очередь «не пекутся об их пользе» [3. Л. 181], что во многом соответствовало реальности. Внутренние междоусобицы, кровная месть, сепаратизм отдельных племен и нахий (областей) создавали непреодолимые препятствия для консолидации черногорского общества. Наведение порядка было крайне затруднено в стране, где, как справедливо заметил Пучков, люди в результате ссоры по любому ничтожному поводу «друг друга режут или застреливают», а потом убегают в иные края [3. Л. 181об.]. Пучков информировал о расхищении русских денег, получаемых в виде церковной субсидии Цетинскому монастырю (500 рублей каждые три года), «начальниками черногорскими» и их родственниками [3. Л. 180], черногорские старейшины «ищут протекцию у той державы, от которой больше денег получить надеются». Оценивая таким образом черногорцев, Пучков все же считал, что они хотя и дикий народ, но

«добрым предводительством и нравоучительным наставлением можно из него со временем (хотя и с трудом) нечто доброе сделать» [3. Л. 182—182об.].

Говоря о состоянии черногорских дел в самых мрачных тонах, Пучков был излишне категоричен. Он, например, отметил абсолютное отсутствие в Черногории какого-либо правосудия. В действительности в стране отношения регулировались нормами обычного права, на основе которых принимали решения такие судебные органы, как «суд добрых людей» и «кметский суд», состоявшие из наиболее влиятельных старейшин. Пучков черногорские порядки мерил по российским меркам; для него, привыкшего у себя на родине к совершенно иным реалиям, почти все казалось странным и диким в этой стране. В Петербурге полученная от Пучкова информация не вызвала каких-либо сомнений¹. В начальный период правления Екатерины II русское правительство на основе сведений, полученных от Пучкова, считало, что для России нет никакой реальной пользы от черногорцев, а только лишние проблемы с Портой и Венецией, приморские владения которой граничили с Черногорией.

В 1766 г., находясь в Петербурге, умер митрополит Василий Петрович, он был с почестями похоронен в Александро-Невской лавре. Для доставки церковной субсидии Цетинскому монастырю и личных вещей митрополита в Черногорию был направлен подпоручик Севского полка Михаил Тарасов с дополнительным поручением выяснить отношение черногорцев к Российской империи, а также собрать информацию «об их правлении, порядках и внешних делах» [6. С. 85].

Дневник Тарасова содержит сведения о политическом, экономическом и военном положении Черногории, быте и нравах черногорцев. Он отметил плачевное экономическое состояние Черногории, ее изолированность, внутреннюю и внешнюю нестабильность, которую объяснил отсутствием «должного правления» и крайней слабостью соправителя Василия Петровича митрополита Савы, титул которого — «черногорский правитель» — не воспринимался черногорцами, почитающими его лишь за митрополичий сан, а он «кроме проклятия более ничего учинить не силен» [7. С. 62].

Дневник Тарасова содержит запись и о вопросе, с которым к нему обратился, будучи навеселе, цетинский воевода Степо: «Для чего-де ты, москаль, не привез нам денег на свинец и на порох, чтоб-де мы имели чем от неприятеля обороняться, ибо мы заслужили оные деньги кровью, пособляя против турок государю императору Петру Великому. А о присланном-де ныне архиепископу облачении в России объяви, чтоб их более нам не присылали, потому что и прежде присланные лежат-де без употребления, ибо мы своего митрополита и в 3 года одиножды в архиерейском облачении не видим» [7. С. 58].

В отличие от полковника Пучкова подпоручик Тарасов с большим пониманием отнесся к проблемам Черногории. Он понял, что многие несчастья и беды черногорцев связаны не только с их порядками и нравами, но и с суровыми условиями жизни: земельный голод, враждебное окружение со стороны турок и венецианцев тормозили даже слабые ростки общественного и экономического прогресса. Пессимизм Тарасова в оценке внутреннего положения Черногории все же преобладал над оптимизмом, в том числе и по поводу перспективы русско-черногорских отношений. Некоторые черногорцы, беседуя с ним, говорили, что если бы они не имели надежды на покровительство со

¹ О миссии С. Ю. Пучкова также см.: [5. С. 96—98].

стороны России, то давно бы «потурчились». Однако Тарасов видел и другое. Он заметил, что среди черногорцев не много было людей доброжелательных к России, «прочих же усердие и доброжелательство только тогда оказывается, когда они получают подарки, и паче всего деньги» [7. С. 64]. Митрополит Сава и черногорские «главари», выражая благодарность Екатерине II за денежную поддержку, просили не оставлять их без «сильной протекции» и «пансиона», при этом клялись перед богом и «монаршеским величеством кровию нашу заслужить», когда на это будет получено «повеление» [8. С. 185–186; 9. С. 285].

Однако вскоре стало ясно, что «русская идея», хотя и в весьма своеобразной форме, оказалась живучей в сознании большинства черногорцев. Особенно ярко она проявилась в связи с правлением в Черногории самозванца Степана Малого в 1767–1773 гг., намекавшего, что он – император Петр III, якобы с ведома императрицы покинувший Россию из-за происков врагов и решивший найти убежище среди единоверных черногорцев.

События в Черногории внимательно отслеживались в Петербурге. Для Екатерины II появление за пределами России «ожившего супруга» было явлением абсолютно новым, с непонятными и непредсказуемыми последствиями, в том числе происки недружественных России держав, тем более что самозванец объявился не где-нибудь, а в Черногории, главном оплоте русского влияния на Балканах в XVIII в. С началом русско-турецкой войны 1768–1774 гг. у Екатерины II под влиянием находившегося тогда в Италии главнокомандующего средиземноморской военной экспедицией графа А. Г. Орлова сложился план привлечения балканских народов к войне против Турции. С этой целью она послала эмиссаров на Балканы, в том числе и в Черногорию. В 1768 г. Екатерина II, по понятным причинам крайне негативно относившаяся к Степану Малому, приказала отправить в Черногорию советника русского посольства в Вене капитана Георгия Мерка с грамотой, содержавшей призыв к черногорцам «схватить самозванца и отдать его праведному суду» [10. Л. 20]. Из-за противодействия венецианских властей, опасавшихся, что миссия Г. Мерка будет расцениваться Портой как вмешательство в ее внутренние дела и поэтому уведомивших российского посла в Вене Д. М. Голицына, что сенат был бы и рад помочь, но «нежные обстоятельства сего же дела приводят его в неприятное изнеможение» [11. Л. 55–56], Мерк не попал в Черногорию. После вынужденного пребывания в Которе он вернулся в Вену. Раздосадованная Екатерина II написала на полях его донесения: «Если бы капитан гвардии был послан с грамотой к черногорцам, то бы письмо, несомненно, отдано было, но сей претонкий политик возвратился с ней, [ничего] не сделав, кроме преострых размышлений» [12. С. 34]. Однако, даже если бы Мерк и достиг Черногории, у него абсолютно не было шансов в одиночку отстранить Степана Малого от власти – это могло стоить ему жизни, а результат был бы все равно отрицательный. К тому же Коллегия иностранных дел проинструктировала Мерка, что поездка в Черногорию могла состояться только в том случае, если она не угрожала его безопасности.

Мерк во время случайной встречи с черногорцами в Которе предпринял все же попытку разоблачить перед ними самозванца. Черногорцы при этом, хотя и с долей сомнения, были склонны согласиться с ним, но заявили, что с появлением Степана Малого у них «неслыханное дружелюбие и порядок завелись, через что сохранено, по крайней мере, человек с триста, коим, конечно, по прежней их жизни быть убитыми» [13. Л. 101об.]. Уставшие от бесконечного кровопролития, связанного с кровной местью, черногорцы готовы

были пожертвовать жизнью за самозванца, но не отпускать его от себя, заметил Мерк. Им русский православный царь нужен был как своего рода символ защиты и опоры в борьбе с самоуправством и внутренней анархией, от чего так страдало все черногорское общество. Никто из природных черногорцев претендовать на эту роль не мог, поскольку их «гордыня была безмерна и они не восприняли бы своего за повелителя». В случае со Степаном Малым такая ситуация разрешалась бесконфликтно, поскольку никто даже в мыслях не мог претендовать на равенство с российским монархом, пусть и бывшим, пусть даже и не настоящим. Поэтому, когда Степан Малый, учредив суд, ввел смертную казнь за кровную месть и стал пресекать грабежи и разбои, это было с удовлетворением воспринято большинством черногорцев. Самозванец мог праздновать полную победу. Все, что он делал, было единодушно одобрено и принято народом, значительная часть которого устала от бессмысленного постоянного кровопролития. Он стал повелителем Черногории, в народе его называли царем. Сам же Степан Малый, насколько это было возможно в той или иной ситуации, избегал открыто отождествлять себя с Петром III, но говорил, что он — «Степан Малый, добрый с добрыми, злой со злыми, малый с малыми, и великий с великими» [14. С. 37]. Впрочем, как и все самозванцы, он тщательно скрывал свое истинное происхождение, сообщал о себе крайне противоречивые сведения: одним он намекал на свою принадлежность к династии Неманичей, другим сообщал, что происходит из Далмации, третьим, четвертым... — что он то «турецкий подданный из Боснии», то «родом из Янин», то «из Австрии», то «дезертир из Лики» (область в Хорватии), а в других случаях называл себя черногорцем [6. С. 93; 14. С. 157] и т.п. Однако тайну его происхождения так никто и не раскрыл². Сам Степан Малый при встрече с венецианским полковником Т. Стукановичем замечал, что во время своих странствий он десять раз переменял свое имя и фамилию [17. С. 589].

² Настоящее имя и происхождение самозванца до сих пор не выяснено. А. П. Бажова предположила, что эту роль мог сыграть кто-либо из югославян, переселившихся в Россию в 50-х годах XVIII в., вероятнее всего один из организаторов переселения черногорцев в Россию майор С. Петрович (Шарович) [6. С. 95–97]. Мнение это является ошибочным, поскольку, как доносила рижская пограничная канцелярия уже после гибели Степана Малого в 1773 г., в декабре 1777 г. — июне 1778 г., С. Петрович уже в чине полковника совершил поездку в Вену с женой и служителем [15. С. 277]. Черногорскому историку Р. Петровичу, безусловно, принадлежит главная заслуга в исследовании жизни и государственной деятельности Степана Малого. Он выдвинул гипотезу [16], согласно которой под именем Степана Малого скрывался И. Балевиц, уроженец Брды, находившийся в России на военной службе и умерший, согласно челобитной его сына С. И. Балевича от 1780 г., в 1769 г. (см. [9. С. 326]). Зная об этом документе, Р. Петрович все же посчитал, что И. Балевиц был одним из трех российских эмиссаров, которые, согласно дубровницкому источнику, были в 1766 г. направлены в Морею, а затем один из них якобы пробрался в Черногорию и объявил себя Степаном Малым [16. С. 56]. Безоговорочно доверяя этому источнику, Р. Петрович утверждал, что в 1769 г. тогда еще шестилетний сын И. Балевича поверил в ложный слух о гибели Степана Малого, зная при этом, что самозванец — его отец [16. С. 53–54]. По мнению историка, Екатерина II, направляя в 1768 г. с миссией в Черногорию старого знакомого И. Балевича полковника С. Эздемировича, также знала, что самозванец не кто иной, как И. Балевиц [16. С. 53]. Эти и другие аналогичные предположения представляются крайне сомнительными, поскольку получается, что Екатерина II ни тогда, ни позже не известила об этом своих самых доверенных лиц, сохраняя — и это известно — неприязнь к Степану Малому и после его реальной гибели в 1773 г., именую его исключительно самозванцем, поскольку его действительное имя так и осталось для нее тайной. Существует и другая версия, связывающая Степана Малого с Россией. По ней он мог попасть в Россию как младший церковнослужитель в свите кого-либо из представителей югославянского православного духовенства, посещавших Россию для получения денежных пособий и церковной утвари. Наслушавшись в России о смерти Петра III и самозванцах, он и решил разыграть роль императора в Черногории [17. С. 517].

Возлагая определенные надежды на балканских славян в борьбе с Турцией, Екатерина II направила на Балканы генерала князя Ю. В. Долгорукова, который под именем купца Барышникова, а на самом деле как глава русской военной миссии, в состав которой входило немногим более 30 человек, в конце июля 1769 г. прибыл из Италии в Черногорию с грамотой от императрицы, зачитанной 6 (17) августа 1769 г. на Общечерногорском зборе (народном собрании) в присутствии почти двух тысяч человек, содержащей призыв ко всем христианским народам выступить против турок. Кроме того, была зачитана грамота, обличавшая Степана Малого как самозванца, «возмутителя покоя и злодея нации» и предлагавшая черногорцам отречься от него и «исправить свой грех служением российскому двору» [18. С. 394–395]. Ее составил бывший сербский патриарх Василий Бркич, укrywшийся в Черногории после ликвидации турками в 1766 г. Печской патриархии. До прибытия русской военной миссии он был приверженцем Степана Малого и с его помощью потеснил митрополита Саву в делах религии. В новой ситуации патриарх быстро сориентировался и переметнулся на сторону князя. Итак, самозванец был разоблачен, и князь приказал его арестовать. В ходе допроса на требование князя назвать свое подлинное имя Степан Малый объявил, что он далматинец из семейства Раичевичей, а затем заявил, что он турецкий подданный, боснийский уроженец, вышел из Боснии в малолетстве, «скитался по многим государствам» и, наконец, объявился в Черногории [18. С. 397]. Нейтрализовав самозванца, Долгоруков занялся подготовкой антитурецкого восстания, в которое помимо черногорцев рассчитывал привлечь христианское население сопредельных с Черногорией земель. Развернув кипучую деятельность, князь установил связь со старейшинами Герцеговины и Венецианского Приморья, что, разумеется, вызвало крайнее раздражение османских и венецианских властей. Князь обещал всем скорое прибытие в эти края русской эскадры для помощи в подготавливаемом им антитурецком восстании.

Помимо выполнения главной задачи князь занялся устройством внутренних дел Черногории. Он учредил в Цетинье суд из представителей различных наций, который разрешал самые тяжкие споры, пресекал междоусобицы. Вместе с тем Долгоруков принялся княжить в Черногории, причем княжить по-русски, забывая, что в черногорской среде царили другие обычаи и нравы, иные ценности были мерилом жизни. Следует напомнить, что представляла собой Черногория незадолго до приезда князя. В стране под управлением митрополита Савы было полнейшее безначалие. Неожиданно объявился «русский царь», посадил под арест Саву и его родню, затем все же их всех выпустил, навел железной рукой относительный порядок. Вдруг неожиданно появился русский генерал со свитой, большими деньгами и военными припасами, велел читать грамоту Екатерины II с призывом к борьбе против турок, раздал деньги «главарям», снабдил черногорцев оружием и потребовал, чтобы все шли воевать. И одновременно доказывал, что их царь вовсе не царь. Народ не понял, что вообще происходит, и в конце концов решил, что «царь», хотя арестованный и развенчанный, лучше подходит на роль правителя Черногории, нежели князь, так и несумевший найти общий язык с черногорцами.

В свою очередь, за трехмесячное пребывание в Черногории Долгоруков выяснил, что самозванец не представляет ни малейшей опасности для России, наоборот, он готов быть ее верным союзником. Из постоянной переписки с А. Г. Орловым, князь узнал, что первоначальный план посылки части российского флота к далматинским берегам для помощи черногорцам изменен, и ждать помощи с моря было уже бессмысленно. Черногорцы и близлежащие

сопредельные христианские народы не были настолько наивны, чтобы, несмотря на явную враждебность и даже ненависть к туркам, вступать с ними в тяжелейшую борьбу без мощной, к тому же обещанной поддержки российского флота. Ю. В. Долгоруков с его небольшим отрядом не мог оказать им помощь. В силу сложившихся обстоятельств князь, потребовав от Степана Малого «усердия и верности», освободил его из-под ареста, и, вероятно, не без влияния А. Г. Орлова, а то и по прямому его приказу, объявил Степана Малого наместником России в Черногории.

В декабре 1769 г. А. Г. Орлов проинформировал вице-канцлера А. М. Голицына о том, что Долгоруков «принужден был уехать из Черной Горы со всеми офицерами и отдать команду Стиопке Малому, надев на него мундир российского офицера» [19. С. 277]³. Степан получил то, что хотел. Россия, не балуя чином, все же признала своего «императора». Отъезд русской военной миссии в конце октября 1769 г. из Цетинье в Будву, где ее ожидало небольшое судно для отплытия обратно в Италию, происходил в величайшей тайне. Князь повсюду ожидал венецианских шпионов, но более всего он опасался владыки Савы, этого «старого злыдня», способного, как думал князь, известить власти Котора об отбытии миссии из Черногории, а это не входило в его планы. Вместе с русскими Черногорию покинул и Василий Бркич, так как дальнейшее пребывание здесь не предвещало для него ничего хорошего из-за неприязни со стороны Степана Малого, которого он в силу обстоятельств предал и опорочил, и митрополита Савы, полагавшего, что черногорцам достаточно одного пастыря.

После отъезда русской военной миссии Степан Малый стал вновь самовластно править в Черногории, продолжая эффективные меры по наведению порядка в стране. По прочно укоренившемуся в народном сознании преданию, он повелел по дороге из Котора в Цетинье положить десять цехинов, и они лежали там несколько дней — никто так и не посмел прикоснуться к ним. Вполне возможно, что эта легенда, берущая начало от современников Степана Малого, имеет под собой реальную основу. Черногорский правитель, и это было в его характере, мог устраивать подобные «проверки на дорогах», а черногорцы, уже в полной мере познавшие крутой и беспощадный нрав своего господаря, понимали, что, покусись они на эти деньги, их непременно сыщут и жестоко накажут. Им ничего не оставалось, как смириться и стать честными поневоле. Страх подавлял все, даже жажду наживы.

Надо сказать, что миссия Долгорукова все же принесла определенные положительные плоды. Во-первых, в Черногории окрепло русское влияние. Через полгода после отъезда князя черногорские «главари» в письме к венецианскому провидуру Г. Молину в Которе написали: «Знаешь ли, господин, что мы сегодня российские? Кто стоит против России — стоит против нас» [2. С. 321]. Летом 1770 г., в те дни, когда русская эскадра разбила турецкий флот при Чесме и высадила десант в Греции, черногорцы во главе со Степаном Малым воспрепятствовали объединению войск боснийского, герцеговинского и албанского пашей с главными турецкими силами на Дунае, что, вероятно, было результатом тайных переговоров Долгорукова, Орлова и Степана Малого. Впрочем, как бы то ни было на самом деле, черногорцы все же оказали вооруженную поддержку России, а Долгоруков по возвращении из Черногории получил награды от Орлова, а затем уже в Петербурге — от Екатерины II. Сам же

³ Алексей Орлов, согласно рескрипту Екатерины II от 4 (15) марта 1769 года, имел право «тамошним знатым людям» присваивать офицерские чины до капитана включительно.

Степан Малый правил Черногорией до трагической смерти в сентябре 1773 г. от руки подосланного шкодринским пашой наемного убийцы грека Станко Клазомуня (Поликарда).

В 1784 г. на митрополичий престол вступил митрополит Петр I Петрович Негош, проводивший активную внутреннюю и внешнюю политику, где центральное место отводилось России. В свою очередь, и в России по-прежнему нуждались в черногорцах как военных союзниках.

В войне 1787–1791 гг. против Турции Австрия была союзницей России, и балканскому театру военных действий отводилось важное место в русско-австрийских военных планах. Вена и Петербург рассчитывали привлечь к борьбе с турками правителя Северной Албании шкодринского пашу Махмуда Бушати, лишь номинально подчинявшегося Порте, и фактически независимую Черногорию. Черногорско-албанский альянс мог дать до 60 тысяч опытных воинов, готовых выступить против Турции, в том числе 20 тысяч черногорцев. В 1785 г. Бушати напал на Черногорию и разорил ее, теперь же вчерашние враги должны были стать союзниками. За это дело взялись дипломаты и военные — вице-канцлер А. И. Остерман, посол в Венеции А. С. Мордвинов, князь Г. А. Потемкин. В Черногорию был направлен драгоман российского консульства в Венеции Иван (Джованни) Оливьери, который, проезжая через Далмацию, познакомился с доверенным лицом Бушати, монахом-францисканцем Эразмом Франкини ди Баньо и под строжайшим секретом открыл ему свое поручение, прося проинформировать обо всем Махмуда-пашу. В Шкодру направился другой российский эмиссар майор Сава Миркович. И паша после трехдневных переговоров с «препятствием многих господ, всюду за ним следующих» [20. Л. 27], принял предложение русского правительства, приказав при этом «отрубить головы двенадцати скутарским приматам», в том числе и его ближайшим родственникам [21. Л. 21], выступившие против союза с христианскими державами. За союз с христианами выступали горцы-католики Северной Албании. Черногорцы были в курсе всех дел. Они просили от российской стороны лишь прислать русских офицеров с боеприпасами и продовольствием, а Махмуд Бушати, чьи владения простирались и на Адриатику, просил выделить для усиления его флота российские корабли. Все это было обещано черногорцам и албанцам. В это время в Петербурге замышлялась грандиозная морская операция с участием мощной Балтийской военной эскадры, призванной блокировать Босфор и Дарданеллы высадкой десанта в Стамбуле и последующим выходом в Средиземное море, что было тесно увязано с восстанием балканских народов, и в первую очередь черногорцев и албанцев [22. С. 60–61].

В Шкодре побывала черногорская делегация, сам Петр I Негош лично встречался с пашой, и переговоры о союзе прошли удачно, однако убийство албанцами на пути из Шкодры в Черногорию австрийской военной делегации во главе с де Броньяром сорвало русско-австрийские планы. После убийства членов австрийской миссии, независимо от того, произошло оно по приказу паши или без его ведома противниками союза с Россией и Австрией, Махмуду Бушати не оставалось ничего другого, как искать примирения с Портой, ибо он понимал, что Австрия не простит ему гибели своих дипломатов.

Вскоре черногорцы во главе с австрийским майором Ф. Вукасовичем совместно с находившимися на Балканах австрийцами напали на владения шкодринского паши, но военные действия австро-черногорских войск не принесли успеха. В эти дни в Черногорию прибыла русская военная миссия в составе подполковника М. К. Ивелича, подполковника Тутолмина и премьер-майора

Драшковица. Российские эмиссары критиковали австрийцев и Петра I Негоша за преждевременное, по их мнению, выступление против Шкодры. После военных неудач австрийцы тайно бежали из Черногории. Затем и русская военная миссия по настоянию Вены, не желавшей укрепления позиций России в этом регионе, покинула Черногорию. Лишь М. К. Ивелич, направившись в Герцеговину, набрав отряд из 1 200 человек и одержав ряд побед над турками. Перед возвращением в 1790 г. в Россию Ивелич заверил герцеговинцев, что он непременно к ним вернется, и вернулся, хотя и не так скоро, как обещал. За заслуги на Балканах М. К. Ивелич был награжден орденами Св. Георгия и Св. Владимира с бантом.

Все попытки России помочь Черногории (отправить эскадру в Средиземное море, направить к «Адриатическому морю и Черным Горам» сухопутные войска) были сорваны в силу разного рода внешних обстоятельств⁴.

Век восемнадцатый заканчивался, приближалась другая эпоха, эпоха наполеоновских войн, в которых извечные враги — Россия и Османская империя — в борьбе против французов стали на время союзниками. И в это время, насыщенное драматическими и героическими событиями, российские эмиссары вновь появились в Черногории, ставшей нужной в противостоянии с наполеоновской Францией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Ровинский П. А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. География. История. Этнография. Археология. Современное положение. СПб., 1888. Т. I.
2. *Миловић Ј. М.* Зборник докумената из Историје Црне Горе. (1685–1782). Цетиње, 1956.
3. Краткая выписка о черногорском народе // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 52 (Потемкина-Таврического). Оп. 1/94. Ч. I. Д. 248. Ч. 6.
4. Записка о пребывании владыки Василия Петровича и черногорских старейшин в России. Не ранее конца апреля 1762 г. // Црна Гора и Русија. Материали за историју односа Црне Горе и Русије у периоду владавине црнагорских митрополита Саве и Василија Петровића. 1742–1766 гг. / Редколл.: А. Н. Сахаров, Р. М. Распоповић. Сост.: Р. М. Распоповић, В. Б. Хлебникова, С. Бабович-Распоповић. Подгорица; М., 2011.
5. *Аншаков Ю. П.* Черногория — «горное соколиное гнездо» свободы на Балканах. Жизнь общества, становление государства, освободительная борьба, внешняя политика (1711–1860 гг.). М., 2019.
6. *Бажова А. П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982.
7. Црногорско-руски односи. 1711–1918 (Черногорско-русские отношения. 1711–1918). Подгорица; М., 1992. Књ. I: Руски извори о Црној Гори од краја XVII до средине XIX вијека.
8. *Хитрова Н. И.* Церковь и культура Черногории в отношениях с Россией // Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003.
9. Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы / Сост.: А. П. Бажова, К. К. Миронова, В. М. Хевролина, Н. И. Хитрова. М., 1984.
10. Грамота Екатерины II черногорским старейшинам, 14 (25) марта 1768 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1784 г. Д. 130.
11. Записка венецианского посла в Вене к князю Д. М. Голицыну, 14 (25) апреля 1768 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп. 95/1. 1768 г. Д. 16. Ч. II.
12. *Драговић М.* Споменници о Шћепану Маломе. Из московскога главнога архива министарства иностранијех дела // Споменик Српске Краљевске Академије. Београд, 1893. Т. XXII.
13. Г. Мерк — Коллегии иностранных дел, 6 (17) сентября 1768 г. Вена // Российский государственный архив древних актов. Ф. 149 (О самозванцах). Оп. 1. Ед. хр. 78.

⁴ Подробнее о планах российской и австрийской дипломатии и деятельности российских эмиссаров в Черногории и Северной Албании см.: [5. С. 147–155].

14. *Петрович Р. В.* Степан Малый — загадка истории (Русский лжецарь в Черногории) / Пер. с сербского С. Якича и А. Зырина. Белград, 1996.
15. *Строев А. Ф.* «Те, кто поправляет Фортуна». Авантюристы Просвещения. М., 1998.
16. *Петровић Р. В.* Шћепан Мали. Загонетка је решена. Београд, 2001.
17. *Макушев В.* Самозванец Степан Малый: По актам венецианского архива // Русский вестник. 1869. Август. Т. 82.
18. Журнальная записка происшествиям во время экспедиции его сиятельства князь Юрья Долгорукова, от армии генерал-майора и лейб-гвардии Преображенского полку майора, в Черную Гору, для учинения оттуда в Албании и Боснии неприятелю диверзии. 1769 год // Русский архив. 1886. Кн. 1.
19. *Рачинский А. В.* К биографии графа А. Г. Орлова-Чесменского. (Извлечено из бумаг государственного вице-канцлера князя А. М. Голицына) // Русский архив. 1876. № 7.
20. С. Миркович — А. С. Мордвинову, 19 (30) мая 1788 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 43/1. 1788 г. Д. 170. Д. 170.
21. И. Оливьери — А. С. Мордвинову, 8 (19) апреля 1788 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 43/1. 1788 г. Д. 169.
22. *Станиславская А. М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. 1798—1807. М., 1962.